

С.Н. Зенкин
**СЕМИОТИКА
КУЛЬТУРЫ**

Сергей Николаевич Зенкин

Семиотика культуры

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69546721

*Зенкин, С. Н. Семиотика культуры: Издательский дом Высшей школы экономики; Москва; 2023
ISBN 978-5-7598-2859-4*

Аннотация

Учебное пособие содержит систематическое изложение основных положений семиотики культуры – дисциплины, оказавшей исключительное влияние на развитие мировых гуманитарных наук во второй половине XX века. Рассмотрены общие проблемы семиотики – определение и структура знака, первичные и вторичные знаковые отношения, семиозис и мимесис, – а также ряд конкретных знаковых систем, чаще всего затрагиваемых при исследовании словесности (язык и литература, визуальные системы, повествование, семиотические аспекты поведения и денежного обращения, общее устройство знаковой культуры). Излагаются идеи ведущих теоретиков семиотики – Ролана Барта, Умберто Эко, Юрия Лотмана и других. Теоретическое изложение сопровождается многочисленными примерами, в основном взятыми из языка, художественной литературы и других искусств.

Книга рекомендуется студентам-филологам, обучающимся по программам бакалавриата и магистратуры, а также аспирантам.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Предисловие	6
Часть первая. Общее устройство знаковых систем	8
1. Функции знаков и история их изучения	8
2. Знаки, сигналы и признаки	22
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Сергей Зенкин

Семиотика культуры

Рецензенты: *С.Т. Золян*, докт. филол. наук, профессор Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (Калининград), ведущий научный сотрудник Института философии Национальной академии наук Армении (Ереван); *П.Ф. Успенский*, канд. филол. наук, PhD, доцент Школы филологических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

© Зенкин С.Н., 2023

* * *

Предисловие

Вступив в круг гуманитарных наук во второй половине XX века, семиотика предложила новый ключ к структурам мышления и коммуникации, новый метод критического анализа разнообразных форм культуры, включая язык, визуальность, художественное творчество, а также технические и биологические формы коммуникации. Из этого предметного богатства в настоящей книге выбрана только семиотика культуры, то есть теория смысловой деятельности людей; а поскольку это учебное пособие, адресованное прежде всего студентам-филологам, то общие проблемы семиотики, которым посвящена первая часть, систематически иллюстрируются примерами из языка и литературы; из числа отдельных знаковых систем во второй части разбираются, во-первых, естественный язык и его художественное применение и, во-вторых, те системы, которые теснее всего соприкасаются с литературой – включаются в нее (например, повествование), часто упоминаются в ее произведениях (например, деньги).

Книга выросла из лекций по семиотике коммуникации, которые я в 2006–2008 годах читал на филологическом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, и из лекционных и семинарских занятий по семиотике культуры, которые я вел в 2018–2022 годах в департаменте филологии Высшей школы экономи-

ки (Санкт-Петербург). В ней отразился живой диалог со слушателями, который позволил существенно развить и уточнить многие положения курса и за который я благодарен своим студентам. Я также признателен рецензентам книги Сурену Золян и Павлу Успенскому за ряд важных замечаний и пожеланий по ее содержанию; насколько мог, я постарался учесть их при доработке.

Часть первая. Общее устройство знаковых систем

1. Функции знаков и история их изучения

Краткое содержание. *Предыстория и история семиотики с древности до конца XX века. Переход от философских теорий познавательного знака к позитивно-научному исследованию знаков коммуникативных. Этическая и эстетическая задачи семиотики культуры.*

Семиотика – наука о знаках. Однако не всякая теория знаков относится к семиотике в строгом смысле слова. Исторически наука семиотика возникла гораздо позднее, чем люди начали размышлять о знаках. Дело в том, что на протяжении многих веков эти размышления развивались не в рамках объективных наук, а в спекулятивных дисциплинах – философии и теологии, которых знаки интересовали в другом аспекте, в другой функции, чем изучаемые в современной семиотике.

Если в наши дни спросить среднего человека, для чего нужны знаки, он, скорее всего, ответит: чтобы общаться

между собой, передавать друг другу информацию. Это значит, что сегодня мы считаем главной функцией знаков *коммуникативную*. Спекулятивное же исследование знаков исходило из другой идеи: ученые и мыслители стремились выяснить, как и в какой мере знаки позволяют нам *познавать* мир или Бога. Эта традиция прошла через несколько исторических этапов.

Начиная с древности в философии и литературе идут споры об «истинности» слов, из которых состоит язык. Такая дискуссия представлена в диалоге Платона «Кратил»: существует ли «правильность имен, присущая каждой вещи от природы»¹, или же названия даются произвольно, как условятся люди? В дальнейшем эту «правильность имен» пытались доказать в этимологических исследованиях, доискиваясь до некоего исконного имени, которое выражало бы самую суть вещи, но впоследствии забылось и затемнилось в ходе развития языка. Та же вера в изначальное безусловное значение языковых знаков выражается в попытках наделить смыслом мелкие несемантизированные элементы речи – например, отдельные звуки, как об этом говорится в сонете Артюра Рембо «Гласные»:

А – черный, белый – Е, И – красный, У – зеленый,
О – синий... Гласные, рождений ваших даты

¹ Платон. Кратил / пер. Т.В. Васильевой // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 613.

Еще открою я...²

Вера в глубинное значение некоторых знаков, позволяющее познать обозначаемое ими существо, не раз высказывалась в христианском богословии. В трактате «О божественных именах» раннехристианского автора, отождествляемого со святым Дионисием Ареопагитом, такими именами объявляются Добро, Свет, Красота и т. д.; носитель этих имен Бог выше каждого из них, но до известной степени может быть через них познан. Много позднее, в начале XX века, в православном богословии возникло течение «имяславия», с которым были связаны русские философы Сергей Булгаков, Павел Флоренский, Алексей Лосев. Имяславие утверждало божественность имени Иисуса Христа, представляющего собой «словесную икону»³ – священный образ божества.

В новом, секулярном плане познавательную функцию знаков стали исследовать в философии Просвещения (Джон Локк, Этьен Бонно де Кондильяк); речь шла уже не об абсолютных, сверхличных смыслах, а о деятельности индивидуального человеческого ума. Наша мысль оперирует идеями, но их слишком много и они вступают в слишком сложные комбинации, чтобы удерживать их все в памяти; для составления и запоминания длинных аналитических цепочек приходится фиксировать их в устойчивых памятных знаках

² Рембо А. Стихи. Последние стихотворения. Озарения. Одно лето в аду / пер. М.П. Кудинова. М.: Наука, 1982. С. 85.

³ Булгаков С.Н. Философия имени. Париж: ИМСА-Press, 1953. С. 186.

– прежде всего в словах языка. «Идеи связываются со знаками, и [...] только благодаря этому они связываются между собой»⁴. С помощью знаков мы кратко записываем свои мысли, чтобы не тратить каждый раз время и силы, заново повторяя процесс их производства. Такие краткие записи – аббревиатуры идей, «узелки на память» – изначально возникают и циркулируют внутри индивидуального сознания и лишь затем служат для общения с другими людьми. Через их посредство мы фиксируем полученные результаты анализа, составляем архив, библиотеку знаний, из которой далее черпаем по надобности. Словесные знаки образуют язык, с помощью которого люди мысленно осваивают окружающий мир и самих себя.

О роли знака в мышлении писал и создатель самого термина *semiotics*, или *semeiotics*, – американский философ Чарльз Сандерс Пирс (1839–1914). Продолжая идеи Просвещения, он связывал семиотику прежде всего с логикой: «Всякое мышление осуществляется посредством знаков, поэтому логика может рассматриваться как наука об общих законах знаков»⁵. Фактически, однако, Пирс учитывал как познавательную, так и коммуникативную функции знаков;

⁴ Кондильяк Э.Б. де. Опыт о происхождении человеческих знаний / пер. И.С. Шерн-Борисовой // Кондильяк Э.Б. де. Сочинения: в 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1980. С. 70.

⁵ Пирс Ч.С. Краткая классификация наук / пер. Т. Дмитриева // Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. М.: Logos, 2000. С. 16. Фамилию философа Peirce иногда транскрибируют также как «Перс» или «Пёрс».

он подверг анализу внутреннюю структуру знаков и выделил несколько их категорий по принципу соотношения с означаемым: иконические знаки, знаки-индексы и знаки-символы. Пирс предложил трехчленную схему знака, в которой кроме означающего и означаемого имеется еще динамический элемент – *интерпретант* (или *интерпретанта*). Тем самым сформировался собственный объект семиотики и было положено начало структурному изучению знаков: наука стала задаваться конкретными вопросами о том, из чего они состоят и как действуют в процессе мышления.

Философия Пирса получила развитие в англоязычной семиотике. Его американскому последователю Чарльзу Уильяму Моррису (1903–1979) принадлежит, в частности, широко принятое ныне разделение семиотики на три составных части: *семантику* (изучение отношений знаков к тому, что они обозначают), *синтактику* (изучение отношений знаков между собой) и *прагматику* (изучение отношений знаков к субъектам, которые ими пользуются).

Моррис, как и Пирс, был философом, хотя описывал не абстрактные схемы мышления, а конкретную структуру знаков. Новейшая семиотика возникла с того момента, когда изучением знаков занялись не только спекулятивные мыслители, опиравшиеся на априорные данные сознания, но и специалисты в позитивных науках – прежде всего филологи и лингвисты. Целью их анализа было не столько понимание мышления, сколько изучение коммуникации, и именно

выделение коммуникативной, а не познавательной функции знаков позволило создать самостоятельную научную дисциплину. Правда, в современной семиотике имеется и *когнитивное* направление, но в его рамках знаки по-прежнему рассматриваются как средство коммуникации, а не умственного познания, исследуется процесс их индивидуального восприятия – то, как эти знаки выделяются субъектом из фона, опознаются, анализируются. Такие исследования особенно распространены в применении к знакам визуальным⁶.

В 1916 году вышел в свет «Курс общей лингвистики» жене́вского профессора Фердинанда де Соссюра (1857–1913) – книга была издана посмертно его учениками на основе лекций, записанных студентами. Теория Соссюра, получившая исключительное влияние в науке, вводила в лингвистику несколько фундаментальных оппозиций – осей, по которым расчленяется языковая деятельность: это оппозиции *языка и речи* (общих правил языковой деятельности и их конкретного применения), *диахронии* и *синхронии* (язык во временном развитии и моментальный временной срез языка как неподвижной системы), *парадигматики* и *синтагматики* (на первой оси – результат выбора языковых элементов, например слов из словаря, на второй – результат их комбинирования в высказывании, например в словесном выражении). Соссюр

⁶ См., например: *La Semiotique visuelle: nouveaux paradigmes / sous la direction de M. Costantini*. Paris: L'Harmattan, 2010.

также предложил новаторское определение языкового знака, состоящего из двух нематериальных, чисто психических элементов (означающее как образ звучащего или написанного слова и означаемое как понятие, которое с ним ассоциируется); а кроме того, в его «Курсе...» содержится мысль о расширении методов, выработанных в лингвистике, на более обширный круг явлений:

Язык есть система знаков, выражающих понятия, а следовательно, его можно сравнивать с письменностью, с азбукой для глухонемых, с символическими обрядами, с формами учтивости, с военными сигналами и т. д. и т. п. [...] Следовательно, можно представить себе науку, изучающую жизнь знаков в рамках жизни общества [...] мы назвали бы ее семиологией (от греч. semeion «знак») [...]. Лингвистика – только часть этой общей науки; законы, которые откроет семиология, будут применимы и к лингвистике...⁷

Эта проектируемая наука, которую Соссюр нарек «семиологией», получила мировое развитие под названием «семиотика»; слово «семиология» сегодня уже мало употребляется даже в его родном французском языке. Ведущими теоретиками семиотики XX века стали лингвисты и теоретики

⁷ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / пер. А.М. Сухотина под ред. А.А. Холодовича // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 54. Подробнее о лингвистических идеях Соссюра, перенятых семиотикой, см. ниже, в главах 3 и 4.

литературы: русские филологи Роман Якобсон (1896–1982) и Юрий Лотман (1922–1993), французский критик и эссеист Ролан Барт (1915–1980), итальянский медиевист, а впоследствии и знаменитый писатель Умберто Эко (1932–2016). Главные центры мировой семиотики образовались в 1960-е годы во Франции и Советском Союзе; Московско-Тартуская семиотическая школа сделалась центром независимых гуманитарных исследований в СССР. Общим методом новой науки был *структурализм* — изучение отношений в системе независимо от природы соотносящихся элементов. Об этом писал еще лингвист Соссюр: «...в языке нет ничего, кроме различий»⁸, различие (*a* отличается от *b*) — простейшая форма значимого отношения, и структуры языка и культуры складываются из таких элементарных кирпичиков-оппозиций. Структуральный подход, абстрагирующий от материальной специфики знаковых систем, позволил выработать эффективные модели, применимые в разных областях культуры и объясняющие социальную коммуникацию в различных ее формах. Исходя из этого универсального принципа, структурная семиотика подвергла анализу не только язык, но и художественную литературу, фольклор, древние мифы, политическую идеологию, массовую культуру, формы социально-бытового поведения, визуальные изображения и т. д. Многие из этих систем (кроме разве что поведения и визуальных изображений) можно определить как *вторичные зна-*

⁸ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. С. 152.

ковые системы, в том смысле что они образуются на основе естественного языка, высказывают другими средствами то, что могло быть сформулировано с помощью слов.

Структурные исследования всегда имеют предметом не единичные знаки, а их целостные системы, каковыми могут быть *код* или *текст*. Подробнее эти понятия будут объяснены ниже, пока же можно сказать, что код – это условный механизм создания и чтения сообщений в той или иной знаковой коммуникации, а текст – это конкретный результат знаковой деятельности, который обладает собственной внутренней упорядоченностью, иногда очень сложной, например в художественных текстах. Соссюр утверждал, что лингвистика должна изучать только «язык», а не «речь», структурная же семиотика культуры берет более широкий круг предметов: в самом деле, если семиотический код – это аналог абстрактного соссюровского «языка», то текст представляет собой продукт конкретного высказывания, то есть принадлежит «речи», которая тоже находится в ведении семиотики.

Семиотика культуры добилась впечатляющих результатов во второй половине XX века. Ее базовые идеи вошли в состав современных гуманитарных наук, в частности используются при теоретическом исследовании языка и литературы, то есть составляют часть научного багажа, необходимого филологам.

Подробнее. Семиотические исследования получили раз-

витие и помимо изучения культуры как таковой. Философская рефлексия о знаках с давних пор занималась знаками естественными, позволяющими распознавать природу того или иного существа (мы будем в дальнейшем называть их *признаками*). Так рассуждал уже Аристотель: «...если какому-либо роду [...] присуще отличительное свойство, как, например, львам – смелость, то необходимо, чтобы был и какой-то знак его. [...] Допустим, что таким знаком будут большие конечности...»⁹.

В дальнейшем семиотика стала находить не только познавательные, но и коммуникативные знаки в живой природе. Сначала исследованию подверглись системы знаковой коммуникации, которыми пользуются животные и насекомые (например, «танцы» пчел, сообщающих друг другу, где искать мед); современная же *биосемиотика* изучает как особого рода знаковые процессы обмен информацией, происходящий не только между живыми организмами, но и внутри них¹⁰.

В 1970–1980-х годах семиотика подвергла пересмотру структурную лингвистику в традиции Соссюра, исходившую из идеи более или менее стабильного кода («языка» в отли-

⁹ Аристотель. Первая аналитика / пер. Б.А. Фохта // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 253.

¹⁰ См.: Favareau D. Essential Readings in Biosemiotics: Anthology and Commentary. Dordrecht: Springer, 2010.

чие от «речи»); ученые стали обращать внимание на динамику знаковой коммуникации, где происходит силовое взаимодействие разных кодов, и на то, как сами эти коды постоянно изменяются в процессе социальной коммуникации. Такие исследования шли в разных странах – у Ролана Барта и Юлии Кристевой (род. 1941) во Франции, у позднего Юрия Лотмана в СССР, в «социальной семиотике», сложившейся благодаря работам английского лингвиста Майкла Халлидея (1925–2018)¹¹ и его последователей Роберта Ходжа (род. 1940) и Гюнтера Кресса (1940–2019)¹². Социальная семиотика не просто рассматривает знаковую коммуникацию как социальный факт (так поступал еще Соссюр, опираясь на социологию Эмиля Дюркгейма, описывавшую стабильное состояние общества), но подчеркивает в ней динамически-властную составляющую, когда различные знаковые коды накладываются друг на друга в процессе общественной борьбы и полемики. Как и другие направления семиотики, она изучает естественный язык в контексте других знаковых систем, передающих свои сообщения по различным – вербальным, визуальным, аудиальным – каналам; это называется *мультимодальностью* знаковой деятельности.

Включив в сферу своего внимания социокультурные конфликты, которые разыгрываются в знаковой коммуникации,

¹¹ См.: *Halliday M.A.K. Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning. Baltimore: University Park Press, 1978.*

¹² См.: *Hodge R., Kress G. Social Semiotics. Itaca, NY: Cornell UP, 1988.*

семиотика столкнулась с необходимостью решать особые, уже не чисто познавательные задачи. Многие ее исследования включают ценностный аспект – то есть не просто описывают знаки, но и критически оценивают истинность, добросовестность и художественную содержательность осуществляемой с их помощью коммуникации.

На протяжении многих веков (с раннего христианства до раннего Нового времени) в размышлениях о знаке подразумевались по большей части религиозные или магические знаки, чья достоверность обеспечена их сакральным статусом. В XVIII веке, в ходе общей секуляризации культуры, встал вопрос о знаке, создаваемом людьми для своих собственных познавательных и практических нужд. Такие мирские, не обеспеченные высшим авторитетом знаки подвижны и неустойчивы, они могут исказить смысл передаваемых с их помощью сообщений, прибавлять к нему вторичные сообщения, коммуникация с их помощью чревата недоразумениями, но зато и более гибка и удобна для творческого применения. Божественные знаки истинны и серьезны – человеческие знаки могут лгать, зато с ними можно играть. Умберто Эко объяснял это так:

Знаком является все, что может быть взято как значащая замена чего-то другого. Это «нечто другое» не обязательно должно существовать и не обязательно должно фактически сохраняться в момент, когда его заменяет знак. В таком смысле семиотика, вообще

говоря, – это дисциплина, изучающая все то, что может использоваться для лжи¹³.

Отсюда вытекают этическая и эстетическая задачи семиотики: с одной стороны, она занимается *критикой* знака, демистификацией социального дискурса, выявляя в нем механизмы недобросовестной манипуляции, а с другой стороны, вырабатывает программы знакового творчества, включая художественное. С 1960-х годов (а фактически и раньше, но не в рамках семиотики как особой дисциплины) ученые исследуют эстетическую функцию знаков, которые могут использоваться не только для познания и передачи сообщений, но и для достижения художественных эффектов: смеха, трагического ужаса, сопереживания героям и т. д. Эта последняя, эстетическая функция более всего соответствует современному пониманию *культуры*, и ее глубоко исследовали как в Московско-Тартуской школе, так и во французской семиотике 1960–1970-х годов, которая у некоторых своих представителей настолько сблизилась с художественным творчеством, что едва не стала частью литературного «постмодернизма».

Критика знака и творческая игра с ним идут еще дальше: они ставят под вопрос связь между коммуникацией и знаками, ведут к поискам некоммункативных или же незначковых (миметических) моделей культурной деятельности. Семиотика интересуется как проектами однозначных искусствен-

¹³ Eco U. Trattato di semiotica generale. Milano: Bompiani, 1998. P. 17.

ных языков (и утопических, и реально-технических – например, в современной информатике), так и возможностями нестандартного, неутилитарного применения знаков, когда они включаются в творческую игру, деформируются, делаются сверхмногозначными или же вовсе бессмысленными и т. д. Одним своим крылом она смыкается с кибернетикой (теорией технических систем коммуникации), а другим – с теорией литературы и искусства, причем в ее радикальных направлениях, опирающихся на опыт авангарда XX века.

2. Знаки, сигналы и признаки

Краткое содержание. *Понятие «знак» конструируется на основе традиций его употребления. Знак следует отличать от смежных с ним фактов: это, с одной стороны, сигналы, требующие лишь адекватной реакции, но не понимания смысла, а с другой – некодированные знаки-признаки, служащие для «уликовой», интуитивной познавательной деятельности.*

Выше, в главе 1, было процитировано определение Умберто Эко: «Знаком является все, что может быть взято как значащая замена чего-то другого»; иначе говоря, в первом приближении знаком можно считать любой факт или объект (вещь, действие и т. д.), используемый как носитель информации. Однако такой широкой дефиниции еще недостаточно. Понятие знака – это не математическое понятие, о значении которого можно произвольно договориться раз и навсегда; исторически оно обросло в языке сложным употреблением, и определение придется *конструировать* исходя из традиций словоупотребления.

Как было сказано, семиотика культуры изучает знаки прежде всего в их коммуникативной, а не познавательной функции. Поэтому для определения знака ей нужно отделить собственно знаковую коммуникацию от других, смеж-

ных с нею явлений. Чтобы точнее определить феномен знака, следует отличить его от *сигнала* и *признака*. Подобно знаку, они тоже служат носителями информации, но иначе, чем он, включаются в процесс коммуникации.

Наш следующий пример взят – с изменениями и сокращениями – у Умберто Эко, который, в свою очередь, заимствовал его у другого итальянского ученого, Туллио де Мауро. Решается инженерная, техническая задача: обеспечить безопасность горного водохранилища, не дать ему переполниться до прорыва плотины. В водохранилище устанавливаются датчик уровня воды – например, поплавков. Далее система безопасности может строиться по-разному. Элементарное решение: большой поплавок напрямую, механическим рычагом соединяется со шлюзом плотины; тогда вода, достигнув определенного уровня, сама собственным давлением на поплавок приоткроет шлюз, и он спустит избыток воды. Здесь, собственно, нет ни знаков, ни коммуникации: воздействие передается с одного механического устройства на другое в виде энергии, а не информации.

Подробнее. *Энергию* и *информацию* в философии различают как количество и качество движения; и та и другая характеризуют некоторое движение материи (они равно нужны в материальном носителе), но энергия – это грубая, недифференцированная величина, а информация – тонкая системная организация этого движения. Информация мо-

жет передаваться от одной системы другой, не принуждая ее извне, а задавая ей программу собственного, автономного действия. При передаче информации всегда затрачивается также и энергия, но значительно меньше, чем при чисто силовом воздействии. Например, заглохший автомобиль можно толкать вручную (энергия), а можно попытаться запустить его двигатель, дав ему правильные команды (информация).

При втором, более сложном решении открытие шлюза происходит по команде удаленного распорядительного устройства, которое получает *сигналы* (экономные информационные импульсы) от датчика и посылает в ответ другие сигналы, управляющие шлюзом. Для этих сигналов требуется канал связи (например, электрический кабель) и код, позволяющий выражать грубые механические процессы (подъем датчика-поплавка, открытие створок шлюза) в виде кратких слабых модуляций электрического тока. Код может быть совсем простым, состоящим всего из двух элементов – условно говоря, загорается или не загорается сигнальная лампочка, – а может усложняться всевозможными резервными системами, страхующими от сбоя. На случай выхода из строя одной лампочки вводится резервная линия с дополнительной лампочкой, которая будет, допустим, не загораться, а гаснуть в момент опасности; на распорядительное устройство может поступать не просто короткий сигнал

«опасность», но и более сложные сведения о состоянии дел, с градацией уровней опасности («норма», «тревожное повышение», «опасное повышение», «высший уровень угрозы» и т. д.). Иными словами, такая коммуникационная цепь может быть очень сложной и развитой – но в ней не будет ни одного знака, только *сигналы*.

Знак появляется лишь при третьем решении – если у пульта управления сидит человек, оператор, который при загорании сигнальной лампочки может не просто среагировать на угрозу наводнения (это умеет делать и машина), а *понять* ее: например, встревожиться, испугаться, осознать само понятие «опасность» или «наводнение». Чтобы сигналы служили знаками, в цепи коммуникации должен циркулировать *смысл*, а не просто информация.

Когда мы имеем дело с машиной, мы не выходим за рамки кибернетики, а кибернетику интересуют только *сигналы*. Но если в коммуникации участвует человек, то мы должны говорить не о мире сигнала, но о мире *смысла*¹⁴.

Итак, бывает коммуникация без знаков, использующая сигналы. Чаще всего – в технике; при коммуникации между людьми сигналы обычно служат первичным материалом, опорой для знаков – например, буквы в языке представляют собой сигналы, они распознаются не только людьми, но и

¹⁴ Эко У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию / пер. А.Г. Погоняйло и В.Г. Резник. СПб.: Петрополис, 1998. С. 48.

техническими устройствами, однако сами по себе не содержат смысла, в отличие от слов и фраз, которые из них складываются¹⁵. *Сигнал – это носитель намеренно отправленного информационного сообщения, которое не содержит в себе понятийного смысла.*

Возможна и обратная ситуация, когда «знак» или нечто вроде знака возникает вне коммуникации. Сигнал, по определению, всегда кем-то или чем-то намеренно отправлен, а *самопроизвольно, без сознательного намерения возникшие факты, которые прочитываются как носители информации, будет точнее называть признаками.*

Подробнее. Нередко их именуют также *индексами*, ссылаясь на Ч.С. Пирса, определявшего знаки-индексы по материальной причинно-следственной связи между их означаемым и означающим. В некоторых языках слова «признак» и «индекс» просто совпадают (таково, например, французское *indice*). В таком смысле индексами являются вообще все факты действительности: в самом деле, у любого реального факта есть причины и следствия, «знаком» которых он может стать, и тогда получается, что подавляющее большинство познавательных актов, совершаемых людьми или другими живыми существами, представляют собой «чтение» индексов (животное по запаху находит пищу и т. д.). Но, как

¹⁵ См. подробнее ниже, в главе 7, о *двойном членении означающего* в естественном языке.

было сказано в главе 1, семиотика культуры изучает не познавательные, а коммуникативные знаки, специально предназначенные для передачи смысла; лишь такие «настоящие» знаки, удовлетворяющие не только условию причинно-следственной связи означаемого и означающего, но и дополнительному условию преднамеренности, мы будем в дальнейшем называть знаками-индексами, отличая их от признаков, функционирующих вне преднамеренной коммуникации. Если обратиться к примерам индексов, приведенным Пирсом, то походка вразвалку, по которой опознают моряка, является *признаком* (она никем не предназначена для сообщения информации), тогда как *знаками-индексами* в строгом смысле слова будут флюгер, указывающий направление дующего на него ветра (он специально так сконструирован), или стук в дверь, которым посетитель обозначает – разумеется, намеренно – свое присутствие и просьбу его впустить¹⁶.

Работа с признаками заслуживает более подробного описания, так как она хоть и не относится к настоящей знаковой коммуникации, но часто соприкасается с нею и даже может создавать иллюзию «общения» с каким-то партнером. Примерами такой работы может служить деятельность охотника, сыщика, врача-диагноста. Для всех троих задача ставится в одном и том же виде: есть кто-то или что-то, скры-

¹⁶ См.: Пирс Ч.С. Икона, индекс, символ // Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. С. 206–207.

вающееся в некотором пространстве (зверь в лесу, преступник в городе, болезнь в организме), что необходимо обнаружить. При этом провести сплошное, фронтальное обследование пространства невозможно или неэкономично: нельзя прочесать весь лес, разделив его на мелкие участки, или устроить облаву, проверив всех жителей города, или непосредственно осмотреть каждый орган, каждую клетку человеческого тела. Это была бы высокочрезвычайно затратная, энергоемкая операция с невыгодным результатом – скажем, вместо излечения пациента придется его убить, чтобы тщательно анатомировать труп в поисках патологии (кстати, в старину анатомия и диагностика существовали как две совершенно различные области медицины, которыми занимались члены разных корпораций). Обычно охотники, сыщики и диагносты действуют иначе: анализируют информацию в поисках признаков – звериных следов, криминальных улик, болезненных симптомов. Часто это малозаметные, случайные, бросовые факты, у которых нет никакого «автора» или «отправителя»: отпечатки ног и звериных лап, клочки шерсти или одежды, грязь на обуви, пепел от сигареты, реакции и выделения организма. Такой поиск носит во многом интуитивный характер, опирается на индивидуальный опыт, а не на общественно признанную конвенцию; этому искусству нельзя научиться, прочитав учебник, здесь или вообще нет устойчивых правил, или они не заменяют практического навыка. Читаемые признаки несут информацию, но это природные «знаки», не

опирающиеся ни на какой культурный код, поэтому приходится каждый раз заново интерпретировать их, заново принимать рискованное решение об их значении. Вместе с тем это не сигналы, ведь они никем и ничем не были посланы намеренно. Сам объект поиска вовсе не пытался наследить – это вынужденный, побочный продукт его деятельности: животное должно перемещаться, оставляя отпечатки лап, преступнику захотелось покурить, и он оставил пепел или окурок. Следы, улики, симптомы – это такие «знаки», которые никто не хотел посылать, их словно посылает кто-то другой, какой-то демон.

Такая ситуация эмблематически изображена в рассказе английского писателя Гилберта Кита Честертона «Сапфировый крест». По улицам города двигаются трое: гениальный сыщик, не пропускающий ни одного следа, гениальный вор, не оставляющий никаких следов, и простоватый на вид священник патер Браун, притворяющийся легкой жертвой вора, а на самом деле – тот самый демон: он идет вместе с воров, оставляя на пути всякие смешные, бросающиеся в глаза следы-улики, по которым их обоих найдет сыщик. В притче Честертон объект преследования аналитически разделен на двух персонажей: идеальный преступник ничем не обозначает своего присутствия, его никто не запоминает, он невидим в толпе, а патер Браун, напротив, воплощает его неидеальную ипостась – реального человека, который не может не наследить. Но поскольку в новелле он выступает как отдель-

ный персонаж, то вместо случайных следов направляет сыщику намеренные сигналы: интуитивный, неформализованный поиск по уликам доводит, дооформляет до коммуникации, *сигнализирует* о себе.

Подробнее. С философской точки зрения след можно рассматривать как спонтанное проявление Другого, предшествующее возможной сознательной коммуникации с ним. В этом смысле след подобен *лицу*, которым непосредственно являет себя инаковость другого; вместе с тем след вводит перспективу времени – он всегда оставлен когда-то в прошлом, является «знаком» (мы скажем «признаком») былого. Эмманюэль Левинас писал об этом так: «Запредельное, откуда приходит лицо, значимо так, как след. Лицо находится в следе абсолютно минувшего, абсолютно прошедшего Отсутствующего [...]. Но в этом смысле всякий след есть знак. Вдобавок к тому, что знак означает, он есть прошлое того, кто подал знак»¹⁷.

Работа с признаками образует древнейший комплекс культурных навыков, который итальянский историк Карло Гинзбург (род. 1939) назвал «уликовой парадигмой»¹⁸. Эти

¹⁷ Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека / пер. А.В. Парибка. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. С. 183, 186.

¹⁸ См.: Гинзбург К. Приметы: Уликовая парадигма и ее корни / пер. С.Л. Козлова // Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы. М.: Новое издательство, 2004. С. 189–241.

навыки включают не просто нахождение и опознавание, но и «чтение», интерпретацию признака, выяснение его неочевидного смысла. Признаки никем не посылаются и соответственно не опираются на устойчивый код, тем не менее их эффективный поиск и надежная дешифровка возможны только в контексте – например, при знании структуры пространства, в которую они вписаны (топографии леса, социальной структуры города, анатомии и физиологии организма). Это показывает эпизод с исследованием монастырской библиотеки в романе Умберто Эко «Имя розы». Пытаясь разыскать в библиотеке тайную комнату, двое персонажей поначалу действуют наугад – ночью пробираются в библиотеку и... немедленно сбиваются с пути в лабиринте комнат. Наутро, выбравшись наружу, один из них принимается изучать структуру здания: обходит его со всех сторон, фиксирует длину стен, количество и расположение окон и т. д. и составляет предположительную (неполную, неокончательную) схему, которая поможет со второй попытки безошибочно дойти до нужного помещения. Структура обследуемого пространства заменяет собой другую структуру – знакового кода, которого лишены случайные, ненамеренно оставляемые признаки.

Отношения между людьми и, соответственно, сюжеты художественных произведений часто развиваются именно по «уликовой» модели, без обмена намеренными знаками или наряду с ним, поверх него. Ролан Барт с такой точки зрения

описал ситуацию влюбленности: влюбленный хочет узнать, как относится к нему любимый человек, а тот уклоняется от прямого объяснения, то есть коммуникация по главной, волнующей влюбленного проблеме тормозится. Он не может задать прямой вопрос – не только от застенчивости, боязни открыться себя и не только из страха получить неблагоприятный ответ, но и от понимания, что любимый, возможно, и сам не вполне отдает себе отчет в своих чувствах и, если спросить его в упор, может ответить неверно, повинувшись каким-то сиюминутным побуждениям. В таких условиях влюбленному приходится вместо обмена намеренными знаками разгадывать случайные, непреднамеренные признаки в поведении любимого человека: жесты, интонации, выражения лица¹⁹

¹⁹ «Магические вопрошания, мельчайшие тайные ритуалы и совершаемые по обету действия неотделимы от жизни влюбленного субъекта...» (*Барт Р.* Фрагменты речи влюбленного / пер. В. Лапицкого. М.: Ad marginem, 1999).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.